

19. Д. 11

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ДЕКАБРЬ, 1904 Г.

ОРЕНБУРГСКІЕ ПОЖАРЫ 1879 ГОДА.

РЕСНА 1879 года даже для оренбуржцевъ наступила очень рано, хотя здѣсь вообще въ прежніе года уже и февраль и мартъ бывали теплые. На этотъ разъ уже съ первыхъ чиселъ апрѣля распустились деревья, а цвѣты полевые продавались на Пасху. Мѣстами уже и сирень собиралась цвѣсти, на яблоняхъ показались почки, а акации цвѣли.

Прекрасно помню, что въ канунъ Пасхи, во время заутрени шелъ небольшой дождь и раза два-три были слышны раскаты грома, хотя и несильные для того края въ то время.

Я говорю «въ то время» именно потому, что, живя въ Оренбургѣ и путешествуя по этой губерніи позднѣе, я никогда болѣе не видалъ уже здѣсь такихъ грозъ, такого дождя, какіе бывали въ 60-хъ, 70-хъ годахъ. Про шестидесятые годы я слышалъ отъ отца и другихъ, а 70-е еще и самъ помню. Вообще я болѣе никогда и нигдѣ во всю свою жизнь не видалъ такихъ страшныхъ тучъ, такой ужасной грозы. Напримѣръ, послѣ холернаго года 1878 года я помню ночь, когда у насъ никто не ложился спать. Мать и тетя все время молились Богу. Тетя у себя въ комнатѣ на колѣняхъ, а мать—лежа въ кровати въ чуланѣ, куда не проникалъ никакой посторонній свѣтъ, и только чуланчикъ вздрагивалъ отъ грома то и дѣло.

Отецъ не былъ особенно набожнымъ человекомъ, но я прекрасно помню, что и онъ часто крестился и былъ очень взволнованъ. Эта гроза была, если не измѣняетъ память, въ серединѣ сентября. Громъ гремѣлъ, буквально не переставая всю ночь, начиная съ восьми часовъ вечера до трехъ утра. Дождь шелъ небольшой и

урывками. Молнія сверкала поминутно и при томъ не змѣйкой, не кошемъ, но сразу освѣщая половину неба то въ одной, то въ другой сторонѣ, точно отдергивалась черная завѣса и раскрывалась огненная стихія на секунду, а затѣмъ сейчасъ же снова закрывалась завѣса съ одной стороны и раздвигалась съ другой. Удары шли непрерывно, а за ними шелъ гулъ, точно что каталось по небу тяжелое, громадное... Вся земля какъ-то, точно нервно вздрагивала, стекла въ оконныхъ рамахъ дребезжали, стѣны издавали трескъ.. Коровы, овцы, лошади мычали, блеяли и фыркали. Дворовыя собаки выли. Когда къ тремъ часамъ гроза прошла и заморосилъ дождь, мелкій-мелкій и ровный, тихій — отецъ открылъ ставни (они у насъ открывались изъ комнатъ), то нашимъ глазамъ представилась картина, которую и до сихъ поръ не могу забыть, несмотря на то, что видѣлъ ее уже болѣе тридцати лѣтъ назадъ. Ничего подобнаго я болѣе никогда не видалъ.

Мы жили въ то время на Мѣновомъ дворѣ, расположенномъ въ ровной степной мѣстности, во второмъ этажѣ. Заль, очень обширный, былъ расположенъ такъ, что окна у него выходили во всѣ стороны, и потому отсюда видна была вся степь, гдѣ въ одной сторонѣ видѣлся Оренбургъ, на востокъ шла генеральская дача, по другую сторону города тянулся Уралъ съ частымъ лѣскомъ, а дальше шла безконечная ровная, гладкая степь до тѣхъ поръ, пока хваталъ глазъ. И здѣсь дѣйствительно на протяженіи тридцати слишкомъ верстъ до селенія Донгусъ нигдѣ не было ни одного деревца. Да и въ самой деревушкѣ Донгусъ текла какая-то малюсенькая рѣченка, по берегамъ которой ютилось нѣсколько вязовъ, березокъ и ивъ... А тамъ опять шла безпредѣльная степь до знаменитой Илецкой защиты.

Со второго этажа нашей квартиры видно все было кругомъ. Когда отецъ подозвалъ меня къ окну, на что я рѣшился не скоро, послѣ долгихъ уговоровъ отца, что уже все прошло, то остановился, какъ очарованный. Куполь неба, опускающійся на эту степь, какъ разъ былъ раздѣленъ на двѣ совершенно правильныя части. Одна половина купола была черна и страшна до невозможности, другая же — совершенно блѣдно-голубая, ясная, прозрачная, слегка позолоченная лучами только что восходящаго солнца. Черная завѣса, закрывающая половину неба, медленно сползала куда-то, скрываясь за видимымъ горизонтомъ... Ясное, чистое небо все болѣе и болѣе освобождалось отъ нея. Дождя уже не было.

Природа точно замерла и въ воздухѣ только усиленно гѣбли ласточки, которыхъ здѣсь всегда бывало много, да немолчно чиркали воробьи. Отецъ раскрылъ совсѣмъ окно, и изъ него повѣяло тепломъ, влажнымъ воздухомъ, напоеннымъ ароматомъ степныхъ цвѣтовъ въ то время, когда степь еще не успѣло выжечь солнце. И этотъ воздухъ, и это блѣдно-чистое небо, и чириканье воробьей,

и щебетанье ласточекъ послѣ ужасной ночи произвели такое впечатлѣніе на меня, что я и теперь часто вспоминаю эту ночь и утро особенно въ такіе же ненастные дни и, странно, помню всѣ мелочи той давно пережитой ночи!..

И тогда всѣ эти явленія, картины природы были какъ-то интенсивнѣе, грознѣе, величественнѣе. Я помню, наиримѣръ, ливни, когда казалось изъ окна, что кто-то сверху прямо опрокинулъ огромную кадущку съ водой, и оттуда льется вода одной общей стѣной, такъ что сквозь этотъ ливень не видно противоположной стороны улицы. И эти картины еще болѣе производили впечатлѣніе потому, что онѣ были мимолетны и смѣнялись быстро яркимъ солнцемъ съ его палящими лучами и безоблачнымъ небомъ.

Весна же 1879 года была совершенно необычайна. Жары начались наступающіе уже съ первыхъ чиселъ апрѣля. Деревья всѣ распустились и цвѣли. Мѣстами солнце уже такъ пекло, что зелень начинала терять свою особенную весеннюю прелесть свѣжести. Ко всему этому свирѣпствовали вѣтры, которые только, кажется, и существуютъ въ Оренбургѣ. Въ то время во всемъ городѣ не было почти нигдѣ садовъ, кромѣ знаменитаго караванъ-сарая, деревья котораго выросли, выражаясь фигурально, на спинахъ несчастныхъ башкиръ; да еще двухъ чахлыхъ садиковъ—«собачьяго» на главной улицѣ, получившаго свое названіе оттого, что въ немъ, кромѣ собакъ, никто не гулялъ, и бульвара—на высокомъ берегу Урала, противъ котораго помѣщался домъ генераль-губернатора, гдѣ тогда царилъ Н. А. Крыжановскій.

Эти оренбургскіе вѣтры при отсутствіи дождя, лѣса поблизости и садовъ свободно гуляли по городу, расположенному по косогору, вздымали мелкую ѣдкую пыль и высоко уносили ее вверхъ. Если смотрѣть бывало въ эти дни на городъ съ того же Мѣноваго двора, то онъ казался весь курящимся, въ дыму. По улицамъ не было возможности ходить, пыль забивала глаза, уши, ротъ, становилось дышать тяжело. Солнышко казалось сквозь эту пыль какимъ-то раскаленнымъ блиномъ, а неба вовсе не было видно. Къ вечеру вѣтеръ обыкновенно стихалъ, и поднятая пыль медленно опускалась на землю, долго стоя надъ городомъ темнымъ столбомъ. Ночью бывало также дышать нечѣмъ. Отъ раскаленной земли, зданій несло прямо жаромъ. Воздухъ совершенно былъ недвижимъ, и обыватели изнывали въ квартирахъ или сѣѣли на Уралъ, гдѣ у рѣки было все же свѣжѣе.

Въ памятный для оренбуржцевъ годъ, 16-го апрѣля, съ утра пекло неимоვნно, и кучи пыли носились по улицамъ... Часамъ къ девяти утра мело уже по всѣмъ улицамъ. Жара невозможная, пыль—въ двухъ шагахъ ничего не видать.

Въ этотъ день, помню, я вздумалъ пойти въ сѣздъ мировыхъ судей. Мировыя учрежденія тогда у насъ только что ввелись, и по-

тому общество ими интересовалось. Съездъ мировыхъ судей помѣщался тогда на Безаковской улицѣ, рядомъ съ Александровскими банями. Это было всего въ двухъ кварталахъ отъ нашего дома. Я сидѣлъ въ большомъ залѣ у самого окна на улицу. Надо замѣтить, что съездъ помѣщался какъ разъ въ самомъ послѣднемъ домѣ къ Уралу. Отъ него шла площадь небольшая, выходящая прямо на берегъ рѣки. Изъ окна, у котораго я сидѣлъ, слушая разборъ какого-то дѣла, видны были противоположныя постройки. Какъ разъ напротивъ на улицу выходилъ маленькій трехконный домикъ. Взглянувъ въ окно, я вдругъ замѣтилъ, что чердакъ этого домика свѣтится... Еще немного, и огненные языки вырвались наружу и стали лизать крышу. Это было такъ все быстро, что когда я успѣлъ крикнуть наконецъ «пожаръ!»—то уже вся крыша была въ огнѣ.

Началась обычная суматоха. Вѣгали и кричали бабы, тащили ведра, кто-то уже ломалъ заборъ. Пожарные еще и не вѣдали о пожарѣ. За поднявшеюся пылью имъ ничего не было видно съ каланчи.

Я бросился бѣжать домой, и вотъ съ какой быстротой шель огонь: мы жили въ двухъ кварталахъ отъ мѣста пожара по той же Безаковской улицѣ, въ проулкѣ, пересѣкающемъ ее, назывался этотъ проулокъ Эссенскимъ. Добѣжавъ до дома и успѣвъ только крикнуть отцу—«пожаръ!»—я оглянулся. Горѣло уже противъ насъ черезъ Безаковскую улицу. Еще ужаснѣе показалась намъ эта ужасающая быстрота, когда не успѣлъ еще кучеръ и лошадей запрячь на всякій случай, какъ къ намъ пришла наша знакомая, жившая по тому же переулку (Эссенскому) отъ насъ черезъ улицу—домовъ за десять. Она была въ капотѣ, наскоро накинутомъ на себя, съ картонкой въ рукахъ. Это все, что она успѣла захватить съ собой изъ дома, который уже весь былъ въ огнѣ; тамъ ея мужъ, задыхаясь въ дыму и огнѣ, урывалъ хоть что либо отъ свирѣпѣвшей огненной стихіи. Отецъ о своемъ домѣ не безпокоился. Вѣтеръ шель какъ разъ отъ насъ. Безаковская улица была довольно широка, а выходящихъ на нее домовъ отъ нашего переулка совсѣмъ не было, шли одни заборы, которые живо повалило. Накаливаться и вспыхнуть отъ жары было нечему, вѣтеръ благопріятствовалъ намъ. Но все же у насъ все цѣнное было уже уложено на возы, и часть уже переправлена на Мѣновой дворъ за Уралъ, въ лѣтнюю резиденцію моего отца. Пожаръ распространялся такъ быстро, почти невѣроятно, что, когда пожарные замѣтили огонь,—было уже поздно. Кварталовъ десять было въ огнѣ, и туда пробраться внутрь было совсѣмъ рискованно. Пожарнымъ оставалось только одно—спасать казенныя зданія.

Передать всю картину этого пожара нѣтъ возможности. Сама по себѣ картина всякаго большого пожара производить сильное впечатлѣніе, но здѣсь пожаръ, сопровождаемый бурей, палачимъ

солнцемъ, производилъ грандіозное впечатлѣніе, котораго никогда не изгладить изъ памяти. Прошло не болѣе двухъ часовъ съ начала пожара, какъ уже выяснилось, что нашъ домъ остается внѣ опасности, и, кромѣ того, мы узнали, что огонь уже проникъ въ Новую слободку, то-есть занялъ районъ въ добрую версту разстоянія. Къ этому времени у насъ въ домѣ собралось человекъ до двадцати знакомыхъ—это были все погорѣльцы. Большинство вышло изъ домовъ своихъ съ тѣмъ, что было на нихъ, и что они успѣли захватить съ собой. Насколько быстро распространился огонь, — расскажу такой случай. Одинъ знакомый отца, архитекторъ, жилъ отъ насъ на другомъ концѣ города, самое меньшее версты за полторы отъ насъ. Услыхавъ, что горитъ около насъ, онъ запрягъ свою парочку и прискакалъ къ намъ помочь, чѣмъ можетъ. Не пробывъ и четверти часа у насъ и услышавъ, что огонь проникъ уже въ Новую слободку, гдѣ былъ и его домъ, онъ поскакалъ назадъ, но черезъ часъ уже снова пріѣхалъ къ намъ, привезя къ намъ жену и ребятъ. Дома ихъ уже не было. Удалось спасти портфель да только шкатулку съ цѣнными вещами. Весь же домашній скарбъ нечего было и думать спасать, да и некому было: постороннихъ зрителей не было никого, всѣ заботились только о себѣ уже, да и трудно было вырвать что либо изъ свирѣпѣющей стихіи.

Величественную картину представляло это бѣдствіе съ площади, гдѣ помѣщались дома знаменитаго купца Зайчикова и цейхаузуъ. Здѣсь городъ весь былъ виденъ, и весь онъ былъ окутанъ густымъ чернымъ дымомъ, по которому то и дѣло скользили огненные языки.

Вѣтеръ сталъ тише. Солнце палило немилосердно. Здѣсь на площади было пустынно и тихо. Города не было. Видѣлся одинъ страшный черный столбъ, уходящій высоко въ небо, по которому скользили огненные языки и змѣйки... Доносились звонки пожарныхъ... Здѣсь какъ-то было жутко смотрѣть на это страшное бѣдствіе. Чувствовалось полное безсиліе. По временамъ раздавались выстрѣлы. Это стрѣляли патроны въ горѣвшихъ оружейныхъ лавкахъ. Съ оглушительнымъ гуломъ упалъ колоколь съ колокольни церкви во имя св. Троицы, вѣсомъ въ 600 пудовъ. Онъ прошибъ два свода колокольни и врѣзался въ каменный полъ на четверть, треснувъ продольно. Еще грандіознѣе имѣлъ видъ весь пожаръ отъ кадетскаго 1-го корпуса изъ оконъ его. Отсюда виденъ былъ весь городъ, объятый огнемъ, и сильно напоминалъ картину гибели Геркуланума и Помпеи.

Само собой, что о какомъ либо правильномъ ходѣ дѣйствій пожарныхъ даже и думать было нечего. Пожарные тогдашняго времени вообще не отличались никакими приспособленіями къ тушенію. При томъ машинъ было немного, и штатъ служащихъ не-

многочисленъ. Понятно, что они теперь растерялись, тѣмъ болѣе, что приходилось бороться не только съ огнемъ, но и съ обезумѣвшимъ народомъ, который сталкивалъ съ машинъ и бочекъ пожарныхъ, силой овладѣвалъ тѣмъ и другимъ и тащилъ къ себѣ, въ чаянiи отстоять то, что дорого тому или другому. Весь день пылалъ городъ. Тушить никто не думалъ. По пылающимъ улицамъ сновали одинокія фигуры обывателей, спасая свои пожитки и отаскивая ихъ на площади, гдѣ уже къ обѣду образовался цѣлый поселокъ, цѣлая ярмарка, сложенныхъ въ кучу вещей, охраняемыхъ солдатами. Здѣсь сидѣли на вещахъ ребята, старухи... слышался пискъ, плачь и молитва. Какая-то женщина въ одной рубашкѣ съ распущенными волосами, держа въ рукахъ, прижавъ къ груди икону Божіей Матери, ходила вокругъ еще негорѣвшихъ кварталовъ, творя какую-то молитву. Лицо ея было сурово, брови насунулись... Весь видъ выражалъ непреклонную волю не пустить огонь сюда на этотъ кварталъ. Она ходила безъ устали почти съ самаго начала пожара вплоть до самаго вечера.

И дѣйствительно, огонь повернулъ въ сторону и оставилъ цѣлымъ одинъ уголокъ города, гдѣ помѣщался и домъ моего отца.

Но гдѣ особенно ужасенъ былъ пожаръ, такъ это на Сѣнной площади (гдѣ теперь базаръ); тамъ прежде были и дегтярныя лавки. Здѣсь полопались бочки со смолой, и она запылала, пробивъ себѣ рукавъ въ видѣ огненной рѣки по площади. Эта рѣдкая рѣка текла по уклону къ городу и на своемъ пути поглощала все, что попадалось. Люди бѣжали отъ этой рѣки въ паническомъ страхѣ. Одинъ несчастный не смогъ убѣжать; огненная рѣка настигла его, онъ упалъ и сгорѣлъ... Замѣчательно, что когда его подняли, то есть не его, а обгорѣвшія кости, то грудь оказалась совсѣмъ цѣлой. Жилетъ остался также не сгорѣвшимъ, и въ карманахъ его нашли монеты... Упалъ онъ грудью прямо на землю и такъ плотно прильнулъ къ ней, что огонь туда не прошелъ, а спина вся сгорѣла...

Къ вечеру пожаръ стихнулъ, то-есть разсѣялся дымъ, унялся по обыкновенію вѣтеръ, и весь городъ озарился заревомъ отъ горѣвшихъ остатковъ. Отъ нашего дома до главной Николаевской улицы было четыре квартала. Теперь была одна площадь, и на фонѣ зрѣва, какъ причудливые памятники, высились остатки жилищъ—печи: русскія, изразцовыя... Въ сторонѣ высилося огромное зданіе пивовареннаго завода Клюмпа, въ которомъ горѣло внутри, и откуда то и дѣло летѣли фейерверкомъ искры — это горѣла старая, сухая барда.

По улицамъ, среди этихъ таинственныхъ памятниковъ бродили люди, одиноко, безшумно, что-то осматривая, ковыряясь въ угляхъ, отыскивая.

Какимъ-то чудомъ, по странной игрѣ природы, среди одного до тла выгорѣвшаго квартала, осталась цѣлой маленькая мелочная лавка. Она была совсѣмъ новенькой, недавно отстроеной, но теперь вся окрасилась въ какой-то коричнево-бурый цвѣтъ, но стояла не тронутой, какъ была заперта, и даже товаръ въ ней остался цѣлъ, хотя тамъ и товару-то было не болѣе, чѣмъ на пятьдесятъ рублей.

Какъ она уцѣлѣла, — объяснить не берусь. Находилась она на большомъ пустырьѣ, правда, но все же кругомъ нея все горѣло не болѣе, какъ въ 15—20 саженьяхъ.

Необычайную картину представлялъ собою городъ въ эту памятную ночь. На всѣхъ площадяхъ кипѣлъ народъ; наскоро были устроены нѣчто въ родѣ палатокъ, навѣсовъ. Здѣсь сидѣли, лежали на кучахъ домашнихъ вещей горожане. Иные плакали, другіе смѣялись уже, вспоминая курьезы, безъ которыхъ не обходится ни одно бѣдствіе. Рассказывали про одного священника, у котораго въ выходѣ было 18 самоваровъ и много мѣдной посуды. Домъ его сгорѣлъ, и жара была такая, что въ подвалѣ мѣдь расплавилась, и всѣ самовары и посуда представляли собою одну кучу, изъ которой торчали краны.

Жара была дѣйствительно ужасная. Въ гостиномъ дворѣ, въ лавкахъ и подвалахъ у бухарцевъ былъ большой складъ бусъ. Эти бусы расплавились и образовали чудные, оригинальные слитки. На дворѣ гостинаго ряда полопались бочки съ сахаромъ, и онъ растаялъ и обуглился... На другой день бѣдняки здѣсь кололи этотъ пережженный сахаръ и уносили съ собою, долго еще послѣ пожара поживая съ нимъ чай.

На углу нашей улицы былъ небольшой выходъ, гдѣ владѣлецъ дома ссыпалъ много картошки. Эта картошка испеклась, и такъ вкусно, что я такой картошки вкусной никогда не ѣдалъ. Пожаръ уничтожилъ всю лучшую часть города, всѣ магазины и булочныя, пекарни, и потому первое время грозилъ голодъ. Хлѣбъ привозили уже изъ Самары.

Въ нашемъ домѣ временно очутилась масса постояльцевъ, такъ что заняты были не только всѣ комнаты, кухня, но даже жили въ каретникѣ, на сѣновалѣ, на погребицѣ и просто въ садикѣ въ бесѣдкѣ.

Пожаръ этимъ не кончился. Черезъ недѣлю сгорѣла Новая слобода, потомъ Старая, Оторвановка, Чебенка... Эти пожары, хотя уже были и меньше, но носили какой-то странный систематическій порядокъ. Начинались они всѣ съ края, съ окраины и ровно около десяти часовъ. Всѣ они были при сильномъ вѣтрѣ, да если бы и не было вѣтра, то съ огнемъ бороться было уже тяжело.

Пожарные выбились изъ силъ, на обывателей напала паника; все это парализовало энергію, ожесточало толпу и разгорячало фантазію.

Самымъ же замѣчательнымъ былъ пожаръ, когда горѣлъ Фурштадтъ, и едва не сдѣлался жертвой пожара пороховой складъ, въ которомъ находилось, какъ говорили, до 300 пудовъ пороху и масса снарядовъ. Можно себѣ представить, что бы это было за зрѣлище, если бы и этотъ складъ вспыхнулъ!

Я позволю себѣ подробно остановиться на этомъ замѣчательномъ днѣ въ жизни оренбуржцевъ.

Не помню теперь уже точно, котораго именно числа, но, кажется, уже спустя мѣсяцъ послѣ перваго пожара, также утромъ, раздался злобѣщій набатъ, котораго какъ-то каждое утро всѣ ждали, точно чего-то обязательнаго. Горѣлъ Фурштадтъ, предместье Оренбурга, казачій выселокъ, откуда съ колокольни церкви Св. Георгія бомбардировалъ Оренбургъ Емелька Пугачевъ.

Поселокъ этотъ, или станица, когда-то былъ верстахъ въ трехъ отъ города, за валомъ, которымъ окруженъ весь городъ. Со временемъ валъ исчезъ, площадь, отдѣляющая станицу отъ города, застроилась, и Фурштадтъ слился съ городомъ. Здѣсь между станицей и городомъ выстроены были казармы, юнкерское училище. Здѣсь же за валомъ остался и пороховой складъ. Выкопанъ онъ былъ въ землѣ, но крыша высоко выходила надъ уровнемъ площади, и помимо этого кругомъ былъ сложенъ огромный складъ дровъ для казармъ и училища, что-то около 500 сажень, говорили. Пожаръ начался также съ окраины казачьяго поселка и шелъ на городъ, куда тянулъ и вѣтеръ. Также быстро пламя охватило огромный районъ, и станица пылала. Въ началѣ пожара никто и не подумалъ ни о дровахъ, ни о пороховомъ выходѣ.

Къ намъ изъ поселка пріѣхалъ одинъ сослуживецъ отца и привезъ ребятешекъ, такъ какъ опасался, что и его домъ не уцѣлѣетъ. Ребятъ у него было своихъ восемь, да еще жили воспитанники, такъ что всего человѣкъ 12 ребятъ было. Въ началѣ пожара у насъ уже на всякій случай готова была лошадь, какъ и у всѣхъ вообще, кто еще не погорѣлъ. Я бродилъ по пожару, но потомъ надоѣло, да и жара была страшная, почему я рѣшился вернуться домой. Переходя площадь, я долженъ былъ итти мимо порохового склада, между складомъ дровъ. И вотъ здѣсь вдругъ вспыхнули дрова, и площадь тоже загорѣлась. Огонь пробирался къ складу. Сюда уже прискакали пожарные и прибыли солдаты, а также самъ генераль-губернаторъ Крыжановскій. Началась суматоха. Дрова не было возможности раскидать, да и некуда. Кое-какъ оттаскивали ихъ подальше отъ порохового склада, нерѣдко подкладывая прямо въ огонь. Жара была убійственная. Самый складъ представлялъ рѣдкую картину. По обѣимъ склонамъ его крыши лежали солдаты, и ихъ постоянно поливали водой изъ машинъ. Зачѣмъ было это нужно,—я не знаю, но думаю, что эти живые защитники отъ огня дорого поплатились, пролежавъ на

крышѣ порохового склада весь день въ грязи и мокрые, да еще въ непрерывно напряженномъ состояніи, что они первые взлетятъ на воздухъ, если взорвется складъ. Около часу дня Крыжановскій что-то тихо сказалъ полицеймейстеру, тотъ немедленно передалъ приставамъ, и они верхами и на извозчикахъ помчались въ городъ. Я услышалъ отъ кого-то, что Крыжановскій приказалъ оповѣстить горожанъ о могущемъ быть взрывѣ и предложить всѣмъ выселиться изъ города. Пристава и квартальные мчались по улицамъ и оралы: «Спасайтесь! Бѣгите изъ города! Его сейчасъ взорветъ!».

Обезумѣвшій и безъ того народъ окончательно потерялъ голову. Всѣ бросились бѣжать за рѣку. Я также однимъ духомъ домчался до дома, взбудоражилъ всѣхъ, и мы, наскоро усѣвшись въ большой тарантасъ, поѣхали изъ города, оставивъ домъ на благо святыхъ, какъ говорятся. Я положительно не могу себя представить, какъ мы всѣ помѣстились въ одномъ тарантасѣ. Насъ большихъ было пять человекъ, помимо кучера, няньки съ маленькой моею сестренкой, и затѣмъ еще двѣнадцать ребятъ со служивца отца. Всѣ какъ-то усѣлись и доѣхали до Мѣнового двора благополучно. Помню, что отецъ захватилъ съ собой только шкатулку съ серебромъ, а мать «Ниву» за цѣлый годъ въ переплетѣ! Почему она ей показалась столь цѣнной,—не знаю.

Черезъ рѣку Уралъ былъ уже построенъ такъ называемый большой деревянный мостъ, при помощи котораго было сообщеніе съ Мѣновымъ дворомъ, но другого мостика, около дома генералъ-губернатора, еще не было. Здѣсь мостикъ назывался «живымъ» и устраивался только для пѣшеходовъ, снимающихъ дачи въ роцѣ за Ураломъ. Я уже говорилъ, что Оренбургъ весь расположенъ на косогорѣ, который круто обрывается къ рѣкѣ Уралу. Когда мы въѣхали на большой мостъ, то были поражены удивительной картиной. Косогора, т.-е. крутого спуска горы, совсѣмъ не было видно. Это была сплошная масса людей, сползающихъ съ горы къ рѣкѣ, бѣгущихъ по самому берегу къ большому мосту и нанимающихъ лодки. По Уралу сплошь скользили эти лодки съ жителями, переправляющимися на другой берегъ. Въ этомъ бѣгствѣ было что-то стихійное, стадное. Всѣ бѣжали, сами не зная куда, готовые давить другихъ, лишь бы самимъ поскорѣе перебраться на другую сторону. Говорили, что за перевозъ въ лодкѣ платили по 25 рублей, и лодокъ не хватало. Мы выѣхали въ степь и немного уже успокоились и впервые почувствовали тѣсноту. Ребятишки послѣзали съ тарантаса и пошли по степи пѣшкомъ. Всѣ то и дѣло оглядывались на городъ и ждали взрыва, но въ городѣ все было тихо, только огромный столбъ густого дыма высоко вадымался къ небу и исчезалъ въ его безпредѣльности. За нами тянулася цѣлый поѣздъ. То и дѣло вскачь насъ обгоняли разныя лица,

положительно потерявши голову. Уже около самага почти Мѣнового двора мы нагнали директора банка, который шагаль пѣшкомъ съ портфелемъ подъ мышкой. Впослѣдствіи выяснилось, что онъ до того растерялся, что убѣжалъ изъ банка пѣшкомъ и оставилъ кассу не запертой. По счастью, паника была такъ велика, что даже не осталось въ городѣ ни одного охотника до чужого добра. Вообще надо замѣтить, что во время пожаровъ ничего не было слышно о кражахъ. Немного далѣе мы встрѣтили еще дьякона съ супругой, почти еле-еле волокащихъ ноги. Дьяконъ былъ въ еноткѣ, а жена его въ солопѣ, и они бѣжали изъ Новой слободки до Мѣнового двора (добрыхъ пять верстъ) при 30° жарѣ въ шубахъ, схвативъ очевидно самое дорогое для нихъ!

Наконецъ, мы пріѣхали на Мѣновой дворъ, гдѣ у отца по мѣсту службы полагалась казенная квартира. Здѣсь собралось много бѣглецовъ; еще больше ихъ было въ роцѣ за Ураломъ и по всей степи. Здѣсь были люди всѣхъ сословій и классовъ. Купцы побросали лавки свои открытыми... Городъ весь опустѣлъ. Тамъ только около порохового склада лежали солдаты, сновали пожарные и полицейскіе, стоялъ мрачный Крыжановскій и полицеймейстеръ, да кое-кто изъ безстрашныхъ любопытныхъ. Всѣ съ минуты на минуту ждали взрыва и строили предположенія, что при этомъ произойдетъ. Говорили, что весь городъ разрушится, что можетъ даже Уралъ отъ сотрясенія выйти изъ береговъ, и что вообще отъ всего города, кромя груды развалинъ, ничего не останется. Всѣ воспитанники и воспитанницы разныхъ учебныхъ заведеній, не пользующіеся ваканціями, были тоже переправлены черезъ Уралъ...

А день былъ ясный, чудный и какъ-то не гармонировалъ съ предстоящей ужасной картиной разрушенія. Все населеніе весь этотъ день провело за городомъ, но ничего не дождалось. Къ вечеру кое-кто вернулся домой, но немногіе, другіе такъ и ночевали подъ открытымъ небомъ или же въ пустыхъ дачахъ до другого дня. Когда уже стало темнѣть, мы съ отцомъ поѣхали въ городъ узнать, что и какъ. Когда мы вѣхали въ него, то насъ поразила его пустыньность. Городъ дѣйствительно точно весь вымеръ моментально... Большинство домовъ стояли совершенно открытыми, мѣстами даже забыли окна закрыть. Заѣхали къ себѣ въ домъ; у насъ все было также открыто. Отецъ заперъ, осмотрѣлъ все, и затѣмъ мы двинулись въ полицію. Полицеймейстера не было дома, онъ все еще былъ на пожарѣ, его супруга была дома, она не хотѣла убѣжать изъ города и то и дѣло ѣздилъ къ мужу на самый пожаръ. Отъ нея мы узнали, что опасность еще не миновала, но все же есть надежда, что складъ останется цѣлъ, такъ какъ огонь сталъ тише, дрова прогораютъ, но во всякомъ случаѣ совѣтовала лучше ночевать въ степи. Мы поѣхали обратно. Въ городѣ было какъ-то жутко. Онъ и днемъ-то, въ обычное время производилъ впечатлѣніе какого-то

кладбища, а теперь ночью подъ влияніемъ проведеннаго дня въ немъ совсѣмъ было страшно, безлюдно, уныло, тихо, какъ въ могилѣ. Рассказывали про одну старушку, которая весь этотъ день провела въ комнаткѣ на пятомъ этажѣ въ горячей молитвѣ. Случилось это такъ. На берегу Урала и сейчасъ высится грандіозное пятиэтажное зданіе 2-го военного корпуса. Тогда здѣсь была военная прогимназія. Здѣсь же жили и всѣ служащіе. У одного воспитателя жила старушка мать. Квартира его помѣщалась въ пятомъ этажѣ. Когда имъ предложили немедленно оставить корпусъ, такъ какъ онъ неминуемо рухнетъ бы отъ сотрясенія, то сынъ и сноха этой старушки впопыхахъ забыли про нее и заперли квартиру съ ней на ключъ. Когда старушка хотѣла выйти, то уже поздно: дверь была замкнута, а бросаться въ окно съ пятого этажа равносильно было погибели и отъ взрыва. И вотъ бѣдная старушка приготовилась къ смерти, надѣла все чистое на себя, зажгла лампадки въ комнатахъ и весь день провела въ молитвѣ. Можно представить себѣ, что пережила она за этотъ день и какъ горячо молилась.

Но, слава Богу, взрыва не было. На другой день сплошной массой обыватели тянулись домой. Огонь къ полночи уже стихнулъ, вѣтеръ совсѣмъ прекратился. Солдатики немного передохнули и растаскали дрова отъ склада. Это былъ послѣдній и самый ужасный пожаръ по той паникѣ, въ какую онъ повергъ народъ. Впрочемъ, народъ и такъ былъ настроенъ ужасно. Конечно, много было толковъ о поджогахъ, но врядъ ли они были, потому что не было видно цѣли ихъ. Кражи хотя и были, но ничуть не больше, чѣмъ и въ обычное время. Но нѣкоторые граждане доходили прямо до галлюцинацій, чуть не сходили съ ума, видя въ каждомъ поджигателя.

Мнѣ пришлось видѣть эту толпу, расправляющуюся саморучно, такъ сказать, съ такими мнимыми поджигателями. Два какихъ-то парня остановились около забора за своей надобностью, а одинъ при этомъ имѣлъ неосторожность чиркнуть спичкой, намѣреваясь закурить. Это увидали, и достаточно. Сейчасъ же парней схватили; образовалась толпа, которая кричала, галдѣла и рѣшила вести поджигателей прямо къ Крыжановскому, такъ какъ полиція де съ ними за одно, подержитъ-подержитъ и выпуститъ. И ихъ повели, дорогой угощая тумаклами. Толпа приняла солидные размѣры, пока дошла до дома генераль-губернатора, пожалуй, не въ одну тысячу. Несчастные поджигатели сами уже не могли идти, ихъ несли избитыхъ, растерзанныхъ, еле-живыхъ. Подойдя къ дому начальника края, вызвали его на балконъ и доложили, въ чемъ дѣло. Крыжановскій едва могъ успокоить толпу. Вѣроятно, его поразило видѣ этихъ несчастныхъ поджигателей, которые за свою оплошность такъ жестоко поплатились. Они уже оба были безъ чувствъ. Крыжановскій приказалъ оставить ихъ и привести къ нему въ домъ,

а самимъ расходиться по домамъ. «Будьте увѣрены — я все разсмотрю и накажу, если все подтвердится». Толпа успокоилась и разошлась.

Впослѣдствіи все выяснилось и оказалось, что это были самые мирные обыватели, но заплатились они за свою неосторожность жестоко.

Настроение толпы было дѣйствительно ненормальное. Каждый день она ловила совершенно невинныхъ поджигателей, передавались цѣлыя легенды, сказки... Читались какія-то подметныя письма, говорили о какихъ-то пророчествахъ, предсказаніяхъ.

Я помню одного обывателя, который положительно съ ума сошелъ отъ желанія найти поджигателей. Онъ ихъ видѣлъ всюду, и когда ему перестали во всемъ вѣрить, видя, что онъ просто сдѣлался нервно больнымъ, то онъ дошелъ до того, что самъ облилъ заборъ у себя керосиномъ, подложилъ хворосту, спичекъ и фосфору и заявилъ объ этомъ полиціи. Но его приготовленія видѣли сосѣди и донесли тоже. Тогда несчастнаго отварили въ больницу, гдѣ онъ и вылежалъ что-то около трехъ мѣсяцевъ.

Пожары эти имѣли огромное значеніе для Оренбургскаго края, не только какъ бѣдствіе. Они создали городъ почти заново, они положили конецъ генераль-губернаторству. Послѣ нихъ городъ и край началъ новую жизнь, и теперь уже ничего не осталось отъ добраго стараго времени.

Ник. Беккаревичъ.

